

УДК 811.133.1 (075.8)

Meta- КАК ИНДИКАТОР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

З. Н. Афинская

*Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия*

Meta- AS AN INDICATOR INTERDISCIPLINARY STUDIES

Z. N. Afinskaya

*Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Moscow State University named
after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

Abstract. Interdisciplinary studies are important areas of science about language. Formant or the prefix meta (from the Greek. meta means "moreover", in other words, we are talking about the expansion of the traditional understanding of the object of study by bringing facts into the intersection of science": a meta-lexicography, meta-discourse, meta-geography, meta-chemistry, etc. Morpheme meta - means not only belonging to the epistemology of science, "speech to the science of herself". As the formant sense, it is necessary as a way of expanding the scope of a particular science due to the adjacent edge spaces of research.

Keywords: epistemology, interdisciplinarity, the meta-language, new terms, ordinary language, meta-science, lexicographic formant, formant sense.

«задохнувшись метаявью...»

А. Воллис

Актуальное состояние современной науки характеризуется междисциплинарным дискурсом, стремлением к интеграции научного знания, диалогом между гуманитарными и «точными» [3, с. 5–31] науками. Неслучайно, в последние десятилетия развиваются науки с «сдвоенным» названием — психолингвистика, прагмалингвистика, социолингвистика, лингвокогнитивистика, лингвокультурология. Одной из актуальных тенденций развития науки можно отметить возникновение междисциплинарных направлений, названия которых отражают классическое понимание базовой науки и расширение сферы этой науки за счет ее свя-

зей с другими научными направлениями, что выражается, в частности, в присоединении к классическому названию приставки *мета-*: металексикография, метадискурс, метагеография и др.. Ср. во французском научном дискурсе — *méa-analyse, méa-théorie, méa-concept, méa-éthique, méa-organisations, méa-théorie, méa-chaîne, méa-discours, méa-lexicographie...* Приставка *méa-* (рус. *мета-* от греч. *meta*) означает *au-dessus*, т.е. *сверх того*, иными словами, речь идет о расширении сферы традиционного понимания объекта исследования за счет привлечения фактов «на стыке наук».

Так, в русской лингвокультуре слово *метафизика*, получившее распространение под влиянием философии французского Просвещения, укоренилось с тече-

нием времени, но требовало объяснения. В. В. Виноградов отмечал стремление А. С. Пушкина обогатить русский язык метафизическими понятиями как необходимый способ расширения пространства философии: «Пушкин требует мыслей, как от прозы, так и от поэзии. Он работает над «*метафизическим*» языком и в области прозы и в сфере стиха. В слово *метафизический* Пушкин влагал значение: «интеллектуальный, отвлечённый, относящийся к сфере глубоких идей, богатый мыслями» [4, с. 926–927].

В связи с появлением новых методов анализа языка в XX веке, в частности, в свете идей, выдвинутых школой новой риторики, группой μ (Ф. Эделин, Ж.-М. Клиненберг и др.), а также школой структурализма (Ж. Дюбуа) была создана новая терминология, в которой морфема *мета* играет существенную роль, выражая новизну лингвистических теорий. «Мета-таксис, воздействуя на форму предложения, изменяет его синтаксическую структуру» [6, с. 121]; метаграфы, метаплазмы – перестановка букв слове в результате ошибки. Возник интерес к новому явлению, к так называемому метаязыку, сущность которого объяснила Е. С. Кубрякова: «Метаязыковые высказывания следует считать, на наш взгляд, средством описания **обыденного**, не научного знания о языке... не само по себе формирование в лингвистике разветвленной системы специфических структур знания (реализующихся и здесь в виде терминов), сколько способов представления в ней научного, теоретического знания плюс неспециального (обыденного) знания выделяют эти способы с помощью понятия **метаязыка**» [10, с. 56]. Интерес к повседневности в ее разных проявлениях, в том числе к обыденному языку и его связях с поэтическим и научным языком сделали необходимым анализировать разные по стилистике тексты с помощью языковых категорий, опирающихся на классическую терминологию и одновременно выходящую за ее рамки.

Речь идет о расширении сферы исследований классической науки, в которой

значительное место отводится междисциплинарным исследованиям. «Если **первой** отличительной чертой познавательных процессов, происходящих в лингвистике, является фиксация их результатов на особом варианте естественного языка, именуем **метаязыком**, – полагает Е. С. Кубрякова, – то **второй** такой чертой оказывается задействованность в этих процессах **междисциплинарных данных**» [10, с. 57]. Е. С. Кубрякова, один из основателей когнитивистики в России, не только широко использовала метод создания новой терминологии с помощью приставки *мета*, но и дала объяснение этому новому и получившему широкое распространение лексикологическому факту. Ю. С. Степанов, один из основателей семиотики в России, говорил о двух «основных семиотических методов: *метописания*, или *метаязыка*, и метода абстракции» [11, с. 43].

Итак, междисциплинарность – основное направление, основная задача *метанауки*. Французские философы, одни из теоретиков междисциплинарной методологии полагают, что «*l'interdisciplinarité a pour but d'élaborer un formalisme suffisamment général et précis pour permettre d'exprimer dans ce langage unique les concepts, les préoccupations, les contributions d'un nombre plus ou moins grand de disciplines*» («Междисциплинарность имеет целью выработать свой аппарат достаточно общий и точный, чтобы позволить выразить в этом уникальном языке концепты, задачи и вклад более или менее большого количества дисциплин». – Пер. З. А.) [15].

В этом подходе сходятся точки зрения русских и французских исследователей – речь идет не только о поиске нового фокуса для освещения известных данных, но о новых «формантах мысли», о поиске новых матриц знания. «*La méta-analyse est une démarche, plus qu'une simple technique, – полагают французские эпистемологи, – qui a pour but de combiner les résultats de plusieurs études pour en faire une synthèse reproductible et quantifiée*» («Мета-анализ – это особый метод, а не просто технический прием, цель которого состо-

ит в том, чтобы объединить результаты разных исследований ради создания воспроизводимого и верифицируемого синтеза» – пер. З. А.) [16]. Этот тезис французских эпистемологов созвучен идее А. В. Корчинского [9] о «формантах мысли» как о неких семантических единицах, о мотивах определенной темы [1, с. 8], присущих как обыденному языку, так и языку науки, морали, философии, художественной литературе [9]. Если в лингвистике [12] форманты участвуют в качестве приставок в процессе словообразования, то в эпистемологии формантами могут быть не только приставки, но и самостоятельные слова, концепты, понятия. «Я использую этот термин в метафорическом смысле, – пишет В. В. Корчинский, – термин «форманты охватывает важную особенность: мысль вариативна... одни форманты меняют слово так, что возникшие единицы остаются его формами, а другие образуют другое слово» [9, с. 8].

Наука XXI века развивается в контексте междисциплинарности и трансдисциплинарности, о чем свидетельствуют сдвоенные названия научных дисциплин (психолингвистика, социолингвистика). Но в этих терминах четко «прочитываются» научные направления, которые были «источниками» новых дисциплин. В отличие от них образования с приставкой *мета-* не позволяют сразу обнаружить специфику новых дисциплин: метохимия, метагеография и др. Так, Д. Н. Замятин рассматривает культуру как «... некую мета-сферу... сферическое видение ментальных миров, обретающих себя лишь посредством географических образов становления и развития средовых гетерогенных самоорганизующихся пространств» [7, с. 126].

Частица *мета-* может использоваться не только в узко эпистемологическом значении, но, скорее, по модели понятия *метафизика*, обозначая философский, а в парадигме нового знания – эпистемологический взгляд на весь комплекс проблем той или иной науки. Именно такое значение было придано термину-неологизму *метохимия* французским химиком и фи-

лософом Гастоном Башляром, который первым среди химиков использовал новый «формант мысли».

Метохимия должна, по мысли Башляра, включить в себя все ветви этой науки – классической и лавуазьевской, – возникших в XX веке в результате применения математических и других инновационных методов. Не лавуазьевская химия базируется на идее *динамизации* (*dynamisation*) вещества-субстанции, которая приводит к идее образования нового направления науки – *метохимии*, или *панхимии*. Понятия *вещество*, *субстанция* относятся к фундаментальным категориям в химии, но в рамках *метохимии* классическое представление о *субстанции* разрушается: «... une notion fondamentale de substance... Dès maintenant, une métachimie nous paraît possible. Si on pouvait la développer, cette métachimie devrait disperser le substantialisme» («... фундаментальное понятие субстанции... Отныне, метохимия нам кажется возможной. Если было бы можно ее развивать, то такая *метохимия* должна была бы *развеесть* субстанциализм» – Пер. З. А.) [13, с. 53]. Метохимия, согласно теории Башляра, сопоставима в своём отношении к химии, как метафизика к физике: «La métachimie serait à la métaphysique dans le même rapport que la chimie à la physique» [13, с. 53]. Как в метафизике центр внимания перенесен с конкретных, физических объектов на абстрактные понятия, так и в метохимии система идей и смыслов основывается не на химическом анализе вещества, а на философском осмыслении изменений вещества.

Понятийное поле *метохимии* включает такие понятия, как *sur-stance*, *ex-stance*, развивающие в свете метохимии такое базовое понятие, как *substance*. В свете новых открытий о химическом составе веществ (суб-станций) Башляр создаёт термины для новых понятий, позволяющих осуществить выход за рамки субстанциональной теории, – основе классической химии.

Более того, Башляр, будучи одним из ярких представителей и основоположни-

ков интертекстуальности как нового метода научных исследований, считал поэтический язык, особенно сюрреалистическую поэзию – соединение, казалось бы, несоединимых смыслов ради слома устоявшихся канонов, – источником новых идей, которая, благодаря своей новаторской сущности (*au-dessus*, т.е. *сверх того*) может помочь выйти за рамки общепринятого. Башляр, занимаясь критикой сюрреалистической поэзии, воспринял новаторскую идею «*сюр*», позволявшую выйти за рамки классических научных категорий. «Поэзия и Химия в определённом смысле одинаково безграничны» [2, с. 141], – уверял он. По сути дела Башляр предвосхитил использования когнитивных методов для развития науки, значение и влияние личности, ее психологического состояния в процессе восприятия окружающего мира и его осмысления.

Иногда Башляр в традиции французского рационализма, стремясь к наиболее точному и ясному изложению своей теории, можно сказать «играет словами», обыгрывает значение приставок и суффиксов. Так, рассуждая о соотношении классической и современной наук, он говорит, что между этими двумя этапами существуют отношения «включённости» (*l'enveloppement*) одной в другую, а не развития (*le développement*).

Мотив *мета* выражает необходимость и потребность в развитии междисциплинарности. Одной из наиболее ярких реализаций этой потребности современной науки, заключающейся в стремлении осмыслить научные достижения с точки зрения человека, участвующего в научной революции, является междисциплинарность. Так, например, возникают такие научные течения, как *психо-* и *метагеография*.

Морфема *мета*, широко используемая в научном и быденном языке для создания новых научных направлений и новых подходов к известным понятиям, послужила для создания нового, самостоятельного научного и культурного явления в XX веке – метагеографии.

Метагеография – область знания, находящаяся на стыке философии, искус-

ства и науки географии как таковой. С точки зрения метагеографии все окружающее воспринимается как придуманное и сконструированное, и внимание этой дисциплины направлено на осмысление ландшафта и географического пространства сквозь призму образов этого пространства, рожденных и бытующих как в обыденном сознании, так и в искусстве и литературе. В этом понимании метагеографии сходятся как российские, так и французские ученые. Ги Бодель предложил наиболее точное, на наш взгляд, определение метагеографии: «*La métagéographie ... – structures spatiales à travers lesquels les gens en recherchent d'autres images*» – «Метагеография (изучает) пространственные структуры, с помощью которых человек создает разные образы» (Пер. З. А.) [14].

Метагеография стремится не к описанию ландшафта на основании классических географических понятий и концептов, а ищет новый образ ландшафта, который могут подсказать или создать художник и, поэты, писатели. Метагеография интересуется тем, какие образы и символы создает пространство, тем, что происходит над поверхностью земли, над ландшафтом в виде символических картин. Согласно французским словарям: «*Métagéographie : du grec meta «au-dessus», c'est-à-dire se qui se passe effectivement au-dessus de la surface du sol*». В понимании Дм. Н. Замятина, одного из основоположников нового научного направления на стыке географии и культуры, метагеография – это прежде всего пространство воображения, пространство образов и представлений.

Хотя термин *метагеография* был предложен советским географом Ю. Саушкиным сравнительно недавно, в 1967 г. как отклик на распространение «науки о науках», эпистемологии, своими корнями это новое направление географии уходит в начало XX века, в эпоху модернизма и футуризма, когда весь окружающий мир должен был, по мысли авангардистов, подвергнуться радикальным преобразованиям. Этот подход к образному восприятию про-

странства и создание условий для его изменения, особенно в городской среде, начался в СССР в 20-ые годы XX века в качестве опытов художников и географов.

Культурное измерение, культурологический подход к географическим объектам (пространству и ландшафту) лежит в основе исторической концепции Л. Н. Гумилева, который создал новый термин – *вмещающий ландшафт*. В. Н. Калущков, объясняя значение этого термина, утверждает: «Вмещающий ландшафт представляет собой *экологическую* колыбель народа, его «экологическую нишу»; при этом «родной» ландшафт не только хорошо осознается представителями народа, но и «чувствуется», воспринимается всеми органами чувств» [8, с. 163].

В качестве заключения и выводов проведенного исследования отметим следующее:

1) новые слова возникают в лексиконе языковой личности, решая прагматические задачи: они необходимы для выражения новых понятий и концептов;

2) морфема *мета* представляет собой не только лексикологический формант, но и формант смысла, расширяя концептуальную сферу традиционных научных направлений и общепринятых понятий (см. эпиграф);

3) *мета*- означает не только принадлежность к эпистемологии науки, «к речи науки о себе самой», но к особому способу расширения сферы той или иной науки за счет смежных, пограничных пространств исследований, придавая им философский характер.

Библиографический список

1. Афинская З. Н. Мотив в его отношении к лингвокогнитивистике // Литература и лингвистика: прошлое, настоящее, будущее : монография / авт. кол. Кошарная С. А., Афинская З. Н. и др.). – Одесса : КУПРИЕНКО СВ, 2015.
2. Балашова Т. В. Научно-поэтическая революция Гастона Башляра // Вопросы философии. – № 9. – 1972.
3. Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. – М. : Наука, 1985.
4. Виноградов В. В. История слов. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999.
5. Воллис А. Исцеление строкой : сб. стихов. – М. : ПАБЛИС, 2014. – С. 22.
6. Группа μ: Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика / пер. с фр.; общ. ред. А. К. Авеличева. Изд. 2-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2006.
7. Замятин Дм. В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
8. Калущков В. Н. География России. – М. : Юрайт, 2015.
9. Корчинский А. В. Форманты мысли: литература и философский дискурс. – М. : Языки славянской культуры, 2015.
10. Кубрякова Е. С. О когнитивных процессах, происходящих в ходе описания языка / В поисках сущности языка. – М. : Знак, 2012.
11. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М. : Наука, 1985.
12. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Рус. словари, 1994.
13. Bachelard G. La philosophie du non. – Paris : PUF, 1940.
14. Baudelle G. Figures d'Europe : une question d'images//Norois, n°1,2005. URL : <http://norois.revue.org/604>; DOI: 10.4000/norois.604.
15. Claverie B. Pluri-, inter-, transdisciplinarité : ou le réel décomposé en réseaux de savoir//Projectics/Proyectica/Projectique 1/2010 (n°4), p.5-27. DOI : 10.3917/proj.004.0005.
16. Tahri W, Fallery. L'usage de la messagerie électronique : une méta-analyse des travaux francophones en la période 2000-2008. URL : www.info/revue-management-et-avenir-2010-4, p.183. htm DOI: 10. 3917/ mav. 034.0183.

Bibliograficheski spisok

1. Afinskaja Z. N. Motiv v ego otnoshenii k lingvokognitivistike // Literatura i lingvistika: proshloe, nastojashhee, budushhee : monografija / avt. kol. Kosharnaja S. A., Afinskaja Z. N. i dr.). – Odessa : KUPRIENKO SV, 2015.
2. Balashova T. V. Nauchno-pojeticheskaja revoljucija Gastona Bashljara // Voprosy filosofii. – № 9. – 1972.
3. Budagov R. A. Shodstva i neshodstva mezhdurodstvennymi jazykami. Romanskij lingvisticheskij material. – M. : Nauka, 1985.
4. Vinogradov V. V. Istorija slov. – M. : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 1999.
5. Vollis A. Iscelenie strokoj : sb. stihov. – M. : PABLIS, 2014. – S. 22.

6. Grappa μ: Djubua Zh., Jedelin F. idr. Obsbhaja ritorika / per. s fr.; obshh. red. A. K. Avelicheva. Izd. 2-e, stereotip. – M. : KomKniga, 2006.
7. Zamjatin Dm. V serdce vozduha. K poiskam sokrovennyh prostranstv: Jesse. – SPb. : Izd-vo Ivana Limbaha, 2011.
8. Kaluckov V. N. Geografija Rossii. – M. : Jurajt, 2015.
9. Korchinskij A. V. Formanty mysli: literatura i filosofskij diskurs. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
10. Kubrjakova E. S. O kognitivnyh processah, proishodjashhijh v hode opisanija jazyka / V poiskah sushhnosti jazyka. – M. : Znak, 2012.
11. Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva. – M. : Nauka, 1985.
12. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. – M. : Rus. slovani, 1994.
13. Bachelard G. La philosophie du non. – Paris : PUF, 1940.
14. Baudelle G. Figures d'Europe : une question d'images//Norois, n°1,2005. URL : <http://norois.revue.org/604>; DOI: 10.4000/norois.604.
15. Claverie B. Pluri-, inter-, transdisciplinarité : ou le réel décomposé en réseaux de savoir//Projectics/Proyectica/Projectique 1/2010 (n°4), p.5-27. DOI : 10.3917/proj.004.0005.
16. Tahri W, Fallery. L'usage de la messagerie électronique : une méta-analyse des travaux francophones en la période 2000-2008. URL:www.info/revue-management-et-avenir-2010-4, p.183. htm DOI : 10. 3917/ mav. 034.0183.

© *Афинская З. Н.*, 2016